

ЧТО ТАКОЕ «РАБОТА УЧИТЕЛЯ над собой»?

Вадим Слуцкий, педагог и писатель, г. Петрозаводск

Постановка проблемы

Эпизод 1.

Таня Цветкова и Сергей Иванович

Сценарий А (пессимистический)

Сергей Иванович — учитель средних лет, математик. Он очень любит свой предмет, серьёзно к нему относится; вообще он хороший учитель. Раньше он жил в маленьком городке, но перед началом нового учебного года переехал с семьёй в большой город. Нашёл работу в новой, недавно построенной школе.

В новых школах часто нет порядка, так же было и в этой школе. У Сергея Ивановича — 4 новых класса, это больше 100 учеников. И классы сложные, только что сформированные. Коллективов нет, много сложных детей. Трудно, очень трудно пришлось Сергею Ивановичу в том учебном году. И самым трудным оказался 8 класс, в котором и училась Таня Цветкова.

В 8 классе, где, в основном, были способные, умные дети, сидело

несколько балбесов, упорно не желавших учиться, но желавших жениться, для чего необходим аттестат о среднем образовании. Делать они ничего не делали, а положительные оценки получать хотели, более того, пребывали в полной уверенности, что это не их проблема, а проблема учителя — как им выставить «троечки». Но Сергей Иванович не такой человек, чтобы кому-то «дарить оценки». Пришлось объявить балбесам «незримый бой». Так было назначено судьбой!

А Таня Цветкова сначала произвела на него очень хорошее впечатление. Она тоже умная и способная. Высокая, хорошенькая. Из благополучной семьи. Когда Сергей Иванович в начале сентября познакомился с классом, Таня — единственная — подарила ему букет цветов. Было приятно.

И ученицей она ему показалась хорошей. Правда, на уроках она что называется не всегда хорошо себя вела: любила поболтать с подружкой, Ариной Чекаловой, с которой они вместе сидели. Но стоило на неё посмотреть — даже не строго, просто посмотреть, и она замолкала. Она внимательно слушала объяснения учите-

ля: во всяком случае, такое у неё было лицо. Выполняла все или почти все задания. Сергей Иванович очень уставал, проверял работы не всегда внимательно: ему казалось, Таня неплохо усваивает материал. С ним она была предупредительна, вежлива, даже по-детски ласкова.

В общем, Таня ему нравилась и даже была для него «лучом света в тёмном царстве» 8 класса.

Но шло время. «Незримый бой» был выигран на всех фронтах: получив «пары» за четверть и вытекающий из них хороший «втык» от родителей, балбесы зашевелились, закричали. Класс стал больше походить на класс — а не на толпу, как в начале учебного года: появились лидеры (одним из которых стала Арина Чекалова, подруга Тани), дети притёрлись друг к другу. Привыкли к требованиям учителя, втянулись в работу. Классом, в общем, Сергей Иванович был теперь даже доволен.

И вот тут он неожиданно для себя обнаружил, что Таня очень недобросовестный человек. У него теперь было больше времени на проверку их работ, он меньше уставал. И ясно увидел: она только изображает старательность, а, в сущности, работает поверхностно, без интереса. Он стал замечать у неё грубые, нелепые ошибки, недопустимые для восьмиклассницы.

И Танины оценки поползли вниз. В первой четверти она имела твердую «четвёрку», даже с некоторой надеждой на возможное её превращение в «пятерку». Во второй же четверти погрязла в «тройках» — не без примеси «двоек».

Сергей Иванович всё думал, что нужно поговорить с Таней, но времени выбрать так и не мог.

Между тем, Таня становилась всё более хмурой и раздражительной. Два или три раза она — как показалось учителю, намеренно — не поздоровалась с ним в коридоре, притворившись, что его не заметила. На уроках перестала улыбаться, смотреть в глаза; исчезла её милая детски-женская ласковость.

Всё чаще она посматривала на Сергея Ивановича с явной злостью.

В конце четверти писали контрольную. Таня получила «двойку», а можно было поставить и «единицу». Работа её была худшей в классе: будто она специально всё сделала шиворот-навыворот. За четверть — хиленькая «троечка».

Прошёл Новый год, кончились каникулы. Началась третья четверть. Таня пришла на первый урок математики. Сергей Иванович мельком посмотрел на неё — и едва её узнал: это была какая-то другая Таня. Лицо злое, какое-то заострившееся, как у хорька. Глаза блестят, резкие движения. Она уже не казалась красивой. Ни она, ни Арина с учителем не поздоровались.

Начался урок. Таня и Арина болтают, ничего не слушают.

Арина — девочка потрясающе красивая, умная, с сильным характером, очень авторитетная в классе, но глубоко неинтеллигентная, грубая, хамоватая. Вела она себя откровенно вызывающе, а Таня посматривала на учителя просто с явной ненавистью.

Сергей Иванович сделал им одно замечание, другое — вежливо, тактично. Они — ноль внимания.

В середине урока учитель, записывая что-то на доске, допустил ошибку — вернее, это была описка: вместо знака $>$ (больше) он написал $=$ (равно). Таня это заметила — и что-то такое громко съязвила, вроде того, что вот-мол, какой у нас умный учитель. Это было глупо — скажи такое кто-нибудь из балбесов, Сергей Иванович спокойно бы его одёрнул или просто пропустил бы мимо ушей: мели, Емеля, твоя неделя. Но — Таня! Что это с ней? Он был искренне изумлён, и его это очень задело.

А самое главное — в её голосе была такая ненависть, такая злоба, такое раздражение! Это был мощный заряд отрицатель-

ных эмоций, которым Таня выпалила в него. И выстрел попал в цель. Он почувствовал себя неуверенно, зажался.

Она это тут же почувствовала — и принялась язвить вовсю. Шипела, как змея: по всякому поводу и без всякого повода. К ней прислушивались; кое-кто негромко подхихикивал. Явных неприличностей и грубостей она не говорила: Таня — из очень приличной семьи, она не привыкла к грубостям. Но всё это было так зло, она его так ненавидела! А Арина — та попросту: она просто начинала откровенно хамить, стоило к ней обратиться. Сергей Иванович старался сдерживаться и до конца урока ни о чём не спрашивал ни Таню, ни Арину и делал вид, что их не замечает.

Но когда 8 класс ушёл из кабинета, его буквально трясло. Он даже подумал: не спуститься ли в медпункт — принять валерьянки, таблеток этак 5–6? Но неудобно было: он же не женщина всё-таки. Пришлось вести урок в 5 классе в таком ненормальном состоянии: дети маленькие, они как-то даже с испугом на него посматривали — видно такое у него было лицо, такой голос. Он пытался говорить спокойно, ласково, но получалось как-то фальшиво.

С тех пор так и пошло — всё хуже и хуже. Его начинало колотить ещё до урока в 8 классе, от одного предчувствия. С Таней поговорить не удавалось, она его избегала. С Ариной он говорил: она высказала всё, что думала о его несправедливости, что он придирается к Тане, — он её внимательно выслушал и спокойно объяснил, почему стал ставить Тане низкие отметки. Интересно, что хотя наедине Арина точно так же хамила и грубила, как и в классе, и даже ещё почище, но его это ничуть не раздражало, она не заражала его своими эмоциями.

Но стоило ему увидеть Таню, услышать одно её слово — и его опять всего трясло. Таня не оставляла его в покое, не успокаивалась. Наоборот, казалось, её ненависть всё растёт. Он старался с ней не разговаривать и не смотреть на неё, но от этого как будто становилось только хуже.

Поговорить с родителями? Но что он им скажет? Ведь формально Таня ничего не нарушает: писать она пишет — другой вопрос, как. Уроков не прогуливает. Даже фактически не

грубит! Сказать: «Ваша дочь меня возненавидела»? Как это можно такое родителям сказать?!

Он стал плохо спать. Танино ненавидящее лицо преследовало его целыми днями: он видел его в троллейбусе, сидя за своим письменным столом. Во время уроков в 8 классе он всё время был в таком состоянии, как человек, ждущий, что его сейчас ударят палкой по голове, а он не может увернуться от удара. Он невольно всё время прислушивался к тому, что говорят друг другу Арина и Таня, хотя и делал вид, что не обращает на них внимания.

Арина, правда, после того разговора успокоилась: она только держалась очень отчуждённо и Тане не мешала шипеть и злиться, но подлаивать ей перестала. От этого Таня злилась ещё больше, а Сергей Иванович всё больше нервничал.

Он понимал, что что-то надо делать, как-то это надо прекратить — но как? Целыми днями он думал об этом. Он уже не мог читать: прочтёт несколько строк — и ловит себя на том, что думает о Тане.

Ему раньше казалось, что она хорошая девочка. Теперь он понял, что это змея в детском образе, это редкая мерзавка, дрянь. Но что с ней сделать? Как это всё прекратить?!

Однажды ему привиделось такое: Таня идёт одна по какому-то тёмному переулку. Он бросается на неё, душит. Затем засовывает тело в мешок и сбрасывает в какую-то яму.

Эта безумная фантазия вызвала у него упоение.

Может быть, отказаться от этого класса? Но что это даст? Всё равно он будет встречаться с ней в коридоре, в столовой. Ей достаточно одного слова, одного взгляда, чтобы отравить ему весь день. К тому же как позор-

но, недостойно: отказываться от класса, не справившись с какой-то девчонкой, и даже не особенно-то трудной, самой обычной.

Может быть, взять отпуск за свой счёт, съездить в деревню, покататься на лыжах, успокоиться? Но дадут ли? И неудобно: в середине учебного года — вдруг, без всякого повода.

Просто не обращать на эту стервочку внимания? Надо, надо бы не обращать. Но как этого добиться от себя?

Так он ничего и не мог решить окончательно.

На следующий день первым уроком была математика в 8 классе. Сергей Иванович пришёл за полчаса до звонка. Хотелось собраться, успокоиться, настроиться, чтобы нормально провести урок. Но его уже била дрожь просто при входе в класс. Он стал раскладывать по партам раздаточный материал, всё время путаясь, что кому нужно положить. «Ничего, сейчас это пройдёт!» — уговаривал он сам себя.

Вроде бы действительно стало проходить: привычное дело успокаивало. В классе было совсем тихо. За окнами темно, небо лишь чуть посветлело, будто там, в глубине, зажгли большую, но тусклую лампу.

Таня с Ариной всегда приходили на урок последними, буквально со звонком. Но не опаздывали: видимо, то ли шатались по школе, то ли ждали в коридоре, пока зазвонит звонок. И Сергей Иванович был уверен, что у него ещё есть 15–20 минут, чтобы собраться, сконцентрироваться.

Восьмиклассники, между тем, помаленьку собирались. Пришёл главный балбес, Сережа Бездельников, маленький, пучеглазый, с коротким вздёрнутым носом, похожий на мопса, взъерошенный, страшно сонный. Сергей Иванович ответил на его «Здрасьте!», повернулся — и увидел входящих в кабинет Таню и Арину. Это было для него совершенно неожиданно. Он не успел как-то отреа-

гировать, отвернуться, сделать вид, что их не замечает. Арина буркнула что-то вроде приветствия, не глядя на него. Таня же посмотрела ему прямо в глаза нагло-злобным взглядом, подняла голову, усмехнулась и прошествовала у него под самым носом, демонстративно не поздоровавшись.

Это уже было верхом наглости, что-то надо было делать. В классе все не без интереса поглядывали на него.

Таня, между тем, подошла к своей парте, взяла карточку (из тех, что он только что раскладывал), посмотрела, хмыкнула и громко сказала: «Ксюха, это твоя карточка! На, дай мне мою. Это наш самый справедливый учитель опять всё наперепутал!».

И тут вдруг, неожиданно для себя, Сергей Иванович закричал визгливым, каким-то бабьим, срывающимся голосом: «Не смей трогать карточки! Они лежат правильно!!..» — и ещё, и ещё: он даже сам потом не мог вспомнить, что же он кричал. Это прорвалось всё, что накопилось в его душе за последние дни и недели.

Остановили его тишина в классе и лицо Тани. Он посмотрел на неё — а у неё на физиономии написано яркими буквами — что бы вы думали? Радостное торжество! Как у футбольного болельщика при вести о победе любимой команды!

Она даже улыбнулась — да, да! И не вышла из себя, не обиделась, не оскорбилась, а совершенно спокойно повернулась к Арине и спокойно и громко сказала: «Ну, что я тебе говорила? Вот такой он на самом деле! Хорошо, хоть перестал притворяться!»

И, гордо подняв голову, вышла из кабинета.

Сергей Иванович зашёл в свою крохотную подсобку. Окна в ней не было, темнота крошечная. Он даже не включил свет.

Как теперь ему работать с этим классом? Они же всё видели и слышали! Как жить?

* * *

На последний вопрос, понятно, ответ может быть только один: жить надо лучше, жить надо веселей! Но — как? Как сделать так, чтобы каждому из нас, учителей, жилось в школе лучше и веселее? Никто ведь специально не портит своих отношений с детьми, однако описанное выше вовсе не является в наших школах такой уж редкостью.

Попробуем понять, что же произошло, почему именно так всё сложилось. И тогда нам, как выразился бы Мераб Мамардашвили, станет ясна «сама почва проблем», которые мы собираемся здесь рассматривать.

Что за человек Сергей Иванович? Хороший, в общем-то, человек, хороший добросовестный строгий учитель. Довольно уверенный в себе и авторитетный. Он, безусловно, владеет и своим предметом, и методикой его преподавания. Как уж там у него с «педагогической техникой», не знаю, но вполне вероятно, что тоже благополучно.

Но работать над собой — именно в том смысле, как я это понимаю, то есть создавать себя как личность, как человека в процессе работы с детьми — он и не начинал. В этом всё дело.

Разумеется, Таня не очень хорошая девочка, но и далеко не исчадие ада. Девочка как девочка. Эгоистичная. Видимо, не любит математику или не любит делать слишком уж больших усилий, перетруждаться, или не любит и то, и другое. Но хочет при этом иметь хорошие отметки. Почему — неизвестно: то ли самолюбива, то ли родители ругают за оценки. Может, просто привыкла хорошие оценки получать.

Словом, её цель была — понравиться учителю, так сказать, попасть в фавор, подлизаться к нему. Поэтому цветы (совершенно незнакомому человеку, мужчине, обычно цветов не дарят); поэтому она так себя вела. И поначалу у неё всё получилось, как хотелось: она добилась своего. И думала, что так и будет в дальнейшем.

Но учитель её раскусил. А она к тому времени уже разнежилась: работала кое-как, а имела «твердую четвёрку», даже с некоторым «плюсом». Она разозлилась, что вполне естественно.

Этого бы не было, если бы учитель так отнёсся к ней с самого начала.

Видимо, Таня эмоциональная девочка, что тоже неудивительно: самые эмоциональные люди — это дети и женщины. Таня — ещё ребёнок, и в то же время уже «маленькая женщина» (ей 14 лет). И вот она возненавидела своего учителя.

Что такое «ненависть», какова её природа? Ненависть — это эмоциональная реакция на внутренний дискомфорт, на то, что в душе человека что-то не в порядке.

Например, в данном случае ненависть возникла по формуле «Ты не оправдал моих ожиданий — ах ты, гад!». Разумеется, эта «формула» совершенно не осознаётся, всё происходит на глубинном эмоциональном уровне. Да и не может четырнадцатилетняя девочка-подросток иметь настолько развитое самосознание, чтобы во всём этом разобраться самостоятельно.

Однако, раз ненависть возникла, она нуждается в рационализации — рациональном обосновании. Обычно оно очень простое: человек убеждает себя, что тот, на кого он злится, очень плохой — и поэтому есть все основания его ненавидеть. На самом же деле просто невозможно ненавидеть другого человека за то, что он плохой. Ненависть в принципе не может так возникнуть.

Но это — обоснование. Так человек объясняет себе своё состояние и своё поведение: да, я его терпеть не могу — и правильно, ведь он такой гад!!!!

Тане было нетрудно убедить себя, что Сергей Иванович — плохой человек: ведь он вдруг, ни с того ни с сего, её «невзлюбил», хотя она к нему так хорошо относилась! Он вдруг стал её «необъективно оценивать»: именно потому, что невзлюбил — а ещё почему? Работала ведь она так же, как и в начале года, всё делала, что он требовал.

И всё же это её не вполне удовлетворяло. Да, учитель — гад: стал ставить ей незаслуженно плохие отметки, да ещё ни с того ни с сего. Но вёл он себя по отношению к ней вполне корректно. А ведь она злилась, вела себя очень некрасиво. И поэтому совесть её не была спокойна.

Поэтому Таня злилась всё больше, а учитель продолжал этого как бы не замечать — не отвечая ничем на её колкости. Отчего она злилась всё сильнее, т.к. её всё сильнее мучала совесть.

Тут «включилась» уже вторая формула ненависти: «Я себя веду так плохо, а ты так хорошо — ах ты, гад!». Т.е. ненавидят часто тех, по отношению к кому плохо поступают, но только в том случае, когда сам этот человек ведёт себя хорошо.

Чтобы исчерпать тему «Природа ненависти», скажу, что есть ещё третья формула ненависти: «Я такая гадина, а ты такой хороший. Ах ты, гад!». В этом случае ненавидят человека, с которым вынуждены постоянно контактировать, и этот человек хороший, тогда как себя самого тот, кто ненавидит, в глубине души ощущает очень плохим. Из-за этого контраста он особенно остро чувствует свою ущербность — и возникает ненависть. Вот почему не хорошие люди ненавидят плохих, а как раз наоборот.

Но вернёмся к Тане и Сергею Ивановичу. Чтобы облегчить свою совесть, а тем самым «снять тяжесть с души», устранить внутренний дискомфорт, у любого злоки есть только один выход: спровоцировать своего «врага» тоже на какое-то некрасивое поведение, довести его, доказав себе, что он и впрямь гад гадом.

Вот почему в ходе таких конфликтов одна из сторон ведёт себя так, чтобы «вызвать огонь на себя», толкнуть другую сторону на ответную грубость и т.п. Так, часто жена оскорбляет и изводит мужа до тех пор, пока он её не ударит. После чего она успокаивается (он тоже плохой, не лучше меня — значит, всё в порядке), и в семье воцаряются мир и гармония.

И Таня добилась-таки своего. Как только она достигла цели, она успокоилась. Её раздражение, злость прошли, словно их рукой сняли. Она довольна: вот, теперь всем ясно, какой он гад! Значит, я ничем не хуже него.

Ещё раз повторю: поведение Тани совершенно естественно для такого неразвитого человека почти без всяких признаков самосознания, девочки и ребёнка.

Но вот теперь займёмся самым интересным для нас — поведением и внутренним состоянием учителя.

Конечно, многое можно объяснить тем, что Сергею Ивановичу пришлось очень нелегко в начале учебного года. Может быть, если бы это было не так, то он бы и не допустил этой ошибки: не принял бы Таню за хорошую ученицу, которой она, по большому счёту, не является.

Но ошибки случаются у всех. Рассчитывать на безошибочность своих суждений не стоит — это нереально. Даже самый опытный педагог может в чём-то допустить ошибку.

Так что дело, в общем-то, не в этом.

Когда учитель обнаружил неприглядную истину (Таня-то, оказывается, довольно недобросовестная ученица!), он сделал из этого простой и прямой, как палка, вывод: надо ставить ей «заслуженные» оценки. И стал ставить. При этом совершенно не была учтена САМА ТАНЯ, то есть её отношение к происходящему, её чувства, в конце концов. Ведь она же человек, и притом его ученица. Надо же с ней считаться, нельзя же психологически травмировать ребёнка. Однако об этом учитель не подумал. Он резко изменил своё мнение о Тане как об ученице — и резко изменились её отметки. Однако он продолжает считать её хорошей девочкой.

Как мы уже отметили, это мнение (Таня — хорошая девочка) *искус-*

ственно сформировано самой же Таней. Это к вопросу о том, кто на кого влияет в школе, кто кого формирует. Как когда. Или, если хотите, **ВЗАИМНО**. В данном случае девочка специально стремилась сформировать у учителя хорошее отношение к себе — и ей это удалось.

Сказалось и то, что с классом было трудно работать, со многими пришлось «воевать» — а с Таней всё с самого начала складывалось «хорошо», в том смысле, что легко, приятно и бесконфликтно. И учитель подсознательно даже как-то был благодарен этой девочке, даже привязался к ней, стал считать её своим другом в этом классе.

Вот тут остановимся и задумаемся. Учитель в данном случае думал об ученице — **ИЛИ О СЕБЕ?** Согласитесь — о себе. О своём удобстве, своём удовольствии. **У НЕГО НЕ БЫЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ** — стремления что-то дать девочке, сделать её лучше. У него была такая установка: она хорошая **ДЛЯ МЕНЯ** (удобная, послушная: помотришь на неё — и перестаёт болтать). На неё не приходится тратить так много сил, как на других.

И это очень обычное явление в школе.

Однако, Сергею Ивановичу пришлось «разочароваться» в Тани, когда она его невзлюбила. Заметим, разочаровывается только тот, кто очаровывается. А очаровываться своими удобными и послушными учениками не стоит — это непрофессионально, хотя, повторяю, вполне обычно.

Обратите внимание: когда это произошло (Таня всячески старается уязвить учителя, демонстрирует ему своё раздражение, свою озлобленность на него), учитель **НЕ НАЧАЛ РАЗМЫШЛЯТЬ** о том, а что это с ней такое, почему вдруг такая перемена. Никакого такого процесса размышления не было.

Хотя это умный человек, средних лет, математик. Размышлять он умеет — но не в процессе человеческих отношений. Как и большинство из нас, впрочем.

Произошла странная вещь: девочка-подросток, оказалась **ЭМОЦИОНАЛЬНО СИЛЬНЕЙ**

взрослого мужчины, вполне уравновешенного, уверенного в себе, не невротика какого-то. И она его **ЗАРАЗИЛА СВОИМИ ЭМОЦИЯМИ**: ему передалось её эмоциональное состояние!

Это поразительно — но тоже происходит очень-очень часто. Правда, тут есть один секрет: чтобы подобное произошло, должна существовать *связь на глубинном эмоциональном уровне* между этими двумя людьми. Они не должны быть совсем чужими друг другу.

Последующие события показали, что такая связь между Таней и её учителем к тому времени образовалась. Таня была ему благодарна за то, что он поддерживает её самолюбие (или, если хотите, самомнение), за хорошее отношение к ней: совершенно естественные чувства для девочки (не будем забывать, что учитель-то мужчина: если бы это была женщина, может быть, привязанность и не возникла бы). Он — за то, что она «луч света», что с ней легко и приятно, а может быть, сыграло свою роль и то, что она милая, хорошенькая и с ним ласкова (ещё раз повторим: ведь он мужчина!).

И вот появилась эта связь.

А с Ариной — человеком более сильным и ярким, чем Таня — у учителя такой связи не возникло. Вот почему её грубости его не трогают: он на них может как-то реагировать, но именно педагогически, а на его душевное состояние поведение Арины не влияет. А Танино — влияет.

Вернее, влияет даже не поведение само по себе, а именно эмоции, которыми оно заряжено. По эмоциональному каналу связи, который образовался между душами этих двух людей, этот заряд ненависти передаётся от неё к нему. И он с этим ничего не может поделать.

Опять-таки, кто тут на кого влияет?

Учитель находится в ненормальном эмоциональном состоянии, и это он прекрасно сознаёт. Однако, он не может и не умеет путём размышлений, какой-то внутренней работы «привести себя в порядок». Наоборот, его мышление оказывается в подчинении у тех самых эмоций, которые попали в его душу от Тани — как попадают в наш организм вирусы гриппа: путём заражения. Он сам начинает ненавидеть Таню.

Что, конечно, очень позорно: ей 14 лет, и она его ученица. Однако, явная нелюбовь учителя к тому или иному своему ученику тоже в школе не редкость. Это тоже довольно обычное явление.

Учитель пытается найти какой-то выход, однако только **ЧИСТО ВНЕШНИЙ**. Что в ситуации подобного конфликта между людьми, связанными друг с другом (членами семьи, учителем и учеником и т.п., т.е. теми, которые вынуждены постоянно контактировать друг с другом и не могут обойтись друг без друга), как правило, невозможно. Выход возможен **ТОЛЬКО ВНУТРЕННИЙ** (самоизменение), но его учитель даже не ищет, ему даже не приходит в голову, что это возможно.

Он думает, что нужно «не обращать внимания» на Танины выходки, но это совершенно неверный путь (от этого, как мы установили, её ненависть только растёт), а кроме того, он не может «не обращать внимания»: **ОН ОТ НЕЕ ЗАВИСИМ**. И не может перестать стать зависимым, обрести независимость.

В итоге всё завершается неизбежным при таком развитии событий эмоциональным срывом, безобразным и постыдным. Но тоже довольно обычным. Учителя часто кричат на своих учеников, и редко когда они это делают только «по педагогическим соображениям» — чаще просто дают выход своему раздражению.

Итак, мы здесь имеем дело с человеком, в каком-то самом главном — именно для нас,

педагогов, — смысле чудовищно неразвитом, слабым, неумелом. Однако, этот человек — профессиональный педагог. И неплохой. И довольно типичный, ничего особенного.

И описанная выше ситуация — увы, весьма типична.

* * *

Однако, вы, наверное, обратили внимание, что это был «Сценарий А (**пессимистический**)». Т.е. вот так — причём совершенно неизбежно (если хотите, роковым образом) — должны были развиваться события в том случае, если учитель ещё толком даже не начал работать над собой в том специфическом смысле, какое я вкладываю в это понятие. Если он — «дикий учитель», то есть самый обыкновенный.

Но что, если учитель вполне культурный, развитый — во всех отношениях. Что бы произошло тогда?

Эпизод 1

Сценарий В (оптимистический)

Итак, у нас те же люди и тот же сюжет: т.е. поначалу тот же.

Предположим, что и на этот раз у учителя (будем называть его по-прежнему Сергеем Ивановичем) возникла некоторая «не вполне педагогическая» симпатия к ученице и до определённого момента всё происходило, в основном, так же, как в сценарии А. А именно до того, как учитель стал «занижать» Тане отметки (предположим, что он всё-таки сделал эту ошибку: достаточно резко перешёл с одних оценок на другие), и она начала злиться.

Сергей Иванович видит, что Таня раздражена, что она им недовольна. Он понимает, что это проблема, его проблема: он должен её как-то решать. Его это беспокоит.

Учитель начинает внимательно присматриваться к Тане. Она ведёт себя как-то неожиданно для него, и ему хочется её понять. Ведь, в сущности, он её ещё плохо знает.

Как-то на очередном уроке он, объясняя новый материал, смотрел на Таню: лицо у неё было, как у человека, испытывающего острую физическую боль: она морщилась, дергалась, словно от боли. И в суженных злых глазах было страдание.

Наблюдая за Таней, за её злыми гримасками, он в какой-то момент почувствовал её внутреннее состояние, ощутил себя ею — «влез в её шкуру». Да, ей плохо, тяжело. «Вернувшись обратно в себя», он ощутил сочувствие к ней, ему захотелось ей помочь.

Но Таня продолжала злиться. Её отрицательные эмоции невольно передавались ему. Порой Таня его страшно раздражала. И одновременно с раздражением жило в его душе сочувствие к ней, к её детской слабости.

Как-то, сидя в пустом кабинете, проверяя тетрадки и глядя на пустую Танину парту, он задумался о той удивительной связи, которая существует между людьми, даже, казалось бы, неблизкими. Вот он взрослый человек, а Таня ещё совсем девчонка, но её эмоции его заражают. Забавно!

Но если она так страдает, то неужели это только из-за оценок? Может быть, она думает, что он её «разлюбил»?! Вот это было бы ещё забавнее! Хотя ему-то ведь тоже как-то уж слишком неприятно такое её поведение. Если бы так вёл себя кто угодно другой из класса, его бы это так не задело. Что ж, значит они привязались друг к другу, не только он к ней, но и она к нему — и это, в конце концов, даже хорошо: это можно использовать, чтобы повлиять на неё.

Наверное, Таню просто избаловали и поэтому она так болезненно реагирует на «перемену отношения» к ней, тем более, что его она стала воспринимать почти как друга, близкого человека. Но Таня, по-видимому, привыкла, что близкие её балуют, потакают ей, поэтому воспринимает «тройки» и «двойки» как своего рода предательство с его стороны. Раз он

друг, то должен её баловать — так ей кажется. А он так не делает. Она возмущена. И со своей точки зрения права. Ведь для неё, как и для всякого ребёнка, поведение её близких (скорее всего, родителей) — это образец идеально правильного поведения, с которым сверяются поступки всех остальных людей.

Нужно показать ей другую точку зрения, которую она себе пока не представляет. Причём сделать это как можно быстрее: ведь и ей плохо, да и ему всё это очень неприятно.

Что же такое придумать? Она с ним не хочет разговаривать. Что ж, раз она сама не идёт на разговор, придётся поговорить с её мамой в присутствии самой Тани. Собственно, это будет разговор с Таней: мама нужна просто для того, чтобы Таня пошла на этот разговор. К тому же при маме она не будет так себя вести. И ещё очень удобно говорить как будто маме, а на самом деле — для Тани. Пусть она посидит, послушает. По крайней мере, она его выслушает, услышит то, что он скажет.

Когда мама и Таня приходят к нему, он очень спокойно и доброжелательно, не замечая их недружелюбия и настороженности, говорит следующее:

«Я вас пригласил, чтобы кое-что обсудить. Заранее могу сказать: у меня нет претензий к Тане. Она хорошая девочка и хорошая ученица. Больше того, мне Таня очень нравится, и именно поэтому мне хотелось бы, чтобы она полностью раскрыла свой потенциал, чего пока, к сожалению, нет. И вот это меня беспокоит.

У Тани большие возможности, она очень способная. Но этого одного ещё недостаточно, чтобы успешно учиться. Когда мы в начале учебного года повторяли ранее изученный материал, у неё было всё хорошо. Но потом у нас начался новый слож-

ный материал. Думаю, что я сам во многом виноват: мне, наверное, не удалось её заинтересовать. Но сейчас всё у нас не так хорошо.

Понимаете, если бы речь шла о ком-то другом, то я бы махнул на это рукой: не всякий может учиться хорошо по математике. Но Таня действительно очень умный и способный человек. Я готов, если это необходимо, позаниматься с ней индивидуально, причём, разумеется, бесплатно. Сейчас нужно добиться какого-то прорыва, и, я уверен, она почувствует, что это интересно и у неё это хорошо получается...» — и т.д., и т.п.

В итоге разговор сводится к обсуждению чисто учебных проблем. Таня благодаря многочисленным и совершенно искренним комплиментам выглядит растерянной: у её озлобленности выбита почва из-под ног. Она уже не может сохранять позицию «У меня плохие отметки, потому что учитель меня невлюбил»: слишком очевидно для мамы, да и для самой Тани, что это неправда. Сергей Иванович сам берёт на себя вину за Танины «тройки» — и поэтому им уже нет смысла его обвинять.

Учитель предлагает:

«Может быть, мы договоримся: пока ты не сделаешь какую-то работу минимум на «четвёрку» — а это твой уровень, собственно, ты и на «пятёрку» очень даже можешь учиться, то я просто не буду ставить тебе оценку? Пусть пока остаётся так, без оценки. Ты согласна?»

Таня соглашается, т.к. это говорится уважительно, доброжелательно, с улыбкой. Она чувствует, что это предложение — проявление уважения и симпатии к ней: её как бы выделяют, дают ей особую привилегию. Она даже краснеет: видимо, ей стыдно, что она так себя вела. Но учитель этого тоже словно не замечает.

В итоге, конфликт улажен, и в дальнейшем особое отношение Тани к Сергею Ивановичу даже приводит к появлению у неё интереса к его предмету.

* * *

Почему то, что казалось непреодолимо трудным Сергею Ивановичу-А, было легко преодолено Сергеем Ивановичем-В?

Сергей Иванович-А потерял педагогическую позицию (или «педагогическую установку», что одно и то же) по отношению к своей ученице. Его перестало интересовать её благо, её душевное состояние — вообще ОНА САМА ПО СЕБЕ; он не стремился принести ей пользу, положительно повлиять на неё. Он заботился только о себе, о своём удобстве. Такая — эгоистическая — позиция и привела к эскалации конфликта (т.к. Таня, разумеется, тоже думала только о себе, что для ребёнка совершенно естественно). А вот **Сергей Иванович-В**, хотя он и о себе не забывает, всё же больше обеспокоен тем, что происходит с его ученицей САМОЙ ПО СЕБЕ, независимо от него, от его чувств и его удобства. Поэтому он не воспринимает её ТОЛЬКО В ОТНОШЕНИИ К СЕБЕ (характернейшая особенность эгоиста!). Он не считает, что она существует ДЛЯ НЕГО. То, что с ней происходит, в его восприятии, плохо, главным образом, ДЛЯ НЕЕ ЖЕ САМОЙ. Поэтому он не так болезненно воспринимает её нападки, они его не затрагивают до такой степени, как Сергея Ивановича-А.

Сергей Иванович-А, по мере развития конфликта с Таней, всё меньше смотрит (в буквальном смысле слова) на неё. Потому что ему стало НЕПРИЯТНО смотреть на неё. **Сергей Иванович-В**, наоборот, всё внимательнее наблюдает за своей ученицей, т.к. хочет понять, что с ней происходит.

Сергей Иванович-А чувствует только свою боль, свой внутренний дискомфорт, для него реальны только его переживания. **Сергей Иванович-В** сумел почувствовать душевное состояние Тани — «влезть в её шкуру» — и оказалось, что ей тяжелее, чем ему. К тому же она девочка, ребёнок. У него появляется сочувствие к ней.

Ненависть Тани к учителю, проникнув в его душу, безраздельно господствует в ней (в **сценарии А**). В **сценарии В** мы видим, что в душе учителя есть **РАЗНЫЕ ЧУВСТВА**: есть и раздражение — но есть и сочувствие к ученице, которая является источником его раздражения. И сочувствие оказывается сильнее, оно побеждает, вытесняет отрицательные эмоции, очищает его душу.

Ненормальное душевное состояние не побуждает **Сергея Ивановича-А** к размышлению, он не пытается понять себя, осознать причины своего состояния. Его мысль оказывается в подчинении у его эмоций (фактически — у эмоций его ученицы, т.к. «его» эмоции — на самом деле вовсе не его, а её). Напротив, **Сергей Иванович-В**, заметив, что с ним что-то не так (появилось раздражение и пр.), размышляет, стремится осмыслить, осознать своё состояние.

Сергей Иванович-А, хотя и понимает, что сложилась неблагоприятная ситуация, не пытается из неё активно выйти, ведёт себя пассивно. Единственное, что ему приходит в голову: либо убежать, уйти из этой ситуации (уехать в деревню — и пр.); либо уничтожить «врага» (фантазия об убийстве Тани). И то, и другое — биологическая реакция на конфликт: так ведут себя животные (либо убегают, либо нападают). **Сергей Иванович-В** прекрасно понимает, что раз ситуация складывается не так, как надо, значит он должен её активно изменить — ищет для этого способ и находит его, причём делает это быстро и достаточно грамотно (педагогически и психологически).

Сергей Иванович-А оказывается зависим от поведения и эмоционального состояния своей ученицы. **Сергей Иванович-В** же от неё независим, наоборот, он сам влияет на неё.

Теперь скажем всё это короче и немножко по-другому.

Что мы имеем в результате?

Сценарий А. Учитель в результате взаимодействия с ученицей стал хуже: менее уверенным в себе, более эгоистически ранимым, мнительным и подозрительным. Ухудшились его отношения не только с Таней, но и с классом.

Сценарий В. Учитель в результате взаимодействия с ученицей стал лучше: он в какой-то мере развил свою способность сочувствовать и понимать людей, стал больше верить в себя, в свои педагогические и человеческие возможности, а значит, стал уверенней; его отношения с ученицей улучшились.

Как видите, изменения действительно происходят в любом случае: мы не стоим на месте. Мы меняемся, вопрос только в том — **КАК** меняемся. И **КТО** нас изменяет: мы сами или другие люди (например, наши ученики, причём часто не самые лучшие).

Мы движемся — вопрос в том, **КУДА**: вверх или вниз?

У Эриха Фромма есть такие термины: «синдром роста» и «синдром распада» [13, с.17]. Я бы сказал, что в **сценарии В** мы имеем «синдром педагогического (и человеческого!) роста», а в **сценарии А** — «синдром педагогического (и человеческого) распада».

Проблема, таким образом, состоит для нас в том, чтобы научиться всегда — или хотя бы в большинстве случаев — использовать своё взаимодействие с учениками, каким бы оно ни было, себе на пользу, т.е. так, чтобы итогом этого взаимодействия был не распад личности, а личностный рост. Причём интересно, что только таким образом можно принести пользу — в том же отношении (в смысле развития их личности, их человеческого роста) — и своим ученикам. **В.Ш**